

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82-1 ББК Ш401.35

Н. В. Барковская
Екатеринбург, Россия

ПОРОЖДАЮЩИЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ (ЖИТЕНЕВ А. А. ПОЭЗИЯ НЕОМОДЕРНИЗМА: МОНОГРАФИЯ. – СПб., 2012)

Аннотация. В рецензии характеризуются проблематика и структура монографии А. А. Житенева «Поэзия неомодернизма». Отмечается продуктивность использования понятия «порождающая модель» при анализе больших литературных направлений. Также высказывается ряд дискуссионных положений.

Ключевые слова: современная поэзия, неомодернизм, порождающая модель, «бронзовый век».

N. V. Barkovskaya
Yekaterinburg, Russia

GENERATIVE MODELS IN MODERN POETRY (ZHITENEV A. A. POETRY OF NEOMODERNISM: MONOGRAPH. – ST. PETERSBURG, 2012)

Abstract. In a review, both the problems and structure of the A. A. Zhitenev's monograph "Poetry of Neomodernism" are characterized. Efficiency of the term "generative model" usage for the analysis of large literary movements observed. In addition, a number of debatable provisions being made.

Keywords: modern poetry, Neomodernism generating model, "Bronze Age".

16 декабря 2012 г. в московском магазине «Книги в Билингве» состоялась презентация монографии воронежского исследователя А. А. Житенева, посвященной выстраиванию целостной картины «бронзового века» в русской поэзии XX в. Попытка героическая, поскольку за пределами «единой советской литературы», а тем более, в постсоветский период, поэтическое пространство крайне разнообразно, поиски продолжаются, линии преемственности и эволюции отнюдь не очевидны, терминология не устоялась. Уже оформление обложки – глубокий синий фон, сквозь который просвечивают «Герб смерти» А. Дюрера и «Муза, утешающая поэта» Д. де Кирико – создает атмосферу суровости и драматизма.

Ни одно из рассматриваемых в книге понятий не является безоговорочно однозначным, начиная уже с понятия «современная поэзия»: каковы хронологические рамки «современности»? в чем отличие «современной» поэзии от «актуальной»? каковы критерии различения «поэзии» и «не-поэзии» или «пост-поэзии»? Избрав в качестве исходного понятие «бронзовый» век в русской поэзии, А. А. Житенев подробно освещает историю употребления на отечественной почве термина «постмодернизм» (в работах Б. Гройса, М. Эпштейна, В. Курицына, Б. Парамонова, М. Липовецкого), указывая на аберрации, связанные с этим термином, затем приводит новые определения «постконцептуализм» (Д. Кузьмин) и «трансавангард» (Е. Ермолин) и останавливается на термине «неомодернизм», предложенном Л. Вязмитиновой, формулируя свое определение неомодернизма как макрообозначения современного этапа в развитии нереалистического художественного сознания. Не менее обстоятельно в работе проделан теоретический анализ понятий «художественное видение», «художественная рефлексия», «ресенти-

ментная личность», «новое христианское сознание», «юрродство» как стратегия творческого поведения и многих других.

Исходя из допущения, что неомодернизм – родовое обозначение всего множества художественных практик второй половины XX – начала XXI веков, выделяя два этапа в «бронзовом» веке поэзии (1960–1970-е гг. – «другая» поэзия; 1990–2000-е гг. – «актуальная» поэзия), А. А. Житенев справедливо видит необходимость решения трех проблем: 1) как неомодернизм взаимодействует с модернизмом и авангардом, 2) как соотносятся «другая» и «актуальная» поэзия, 3) каковы особенности поэтики и логики автометаописания. Решению этих проблем подчинена композиционная логика глав. Автор последовательно рассматривает три уровня проблемного поля, выявляя универсалии неомодернизма (эстетические и метафизические основания), особенности воплотившего эти универсалии поэтического мира (его онтологию, гносеологию и аксиологию), прагматику и рецептивные горизонты поэтического текста, охватывая тем самым все звенья развертывания художественного произведения как коммуникативного события. В каждой из глав сначала рассматривается социокультурная ситуация, порождаемые ею идеи и концепции, затем дается философское обоснование этих идей, выявляется понятийный смысл ведущих «концептов», далее приводится их рефлексия в критике и автометаописаниях, наконец, анализируются два-три контрастных примера поэтической практики. Отметим как наиболее удачные фрагменты книги те страницы, где дается анализ художественного видения в творчестве Е. Шварц и В. Кривулина, интерпретация «болевого опыта», перестраивающего личность, в книге Е. Фанайловой «Лена и люди», анализ творчества хеленуктов или поэтов «филологической

школы». Отлично «работают» привлеченные в качестве автометаописания материалы анкет о творчестве А. Блока и В. Хлебникова.

Несомненным достоинством исследования является обращение к архивным материалам, впервые ставшим достоянием литературоведения: из фонда НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург), Института Восточной Европы (Бремен), Московского архива нового искусства, частных архивов, к сам-издатским журналам «Часы», «37», «Обводный канал», «Диалог», «Транспонанс», «Митин журнал», к интернет-публикациям. Впрочем, большинство анализируемых в книге авторов вообще не были предметом научного (а не литературно-критического) анализа.

В качестве основного методологического инструментария автор избирает понятие порождающей модели, разработанное А. Ф. Лосевым. Предложенный алгоритм анализа литературного процесса с позиций порождающих моделей представляется весьма продуктивным.

Качественные отличия неомодернизма от модернизма и авангарда начала XX в., как продемонстрировано в исследовании, обусловлены ревизией «финалистского» сознания во второй половине XX столетия, принципиальным отказом от «футурологической» и «проективной» составляющих модернизма, от любых «готовых» концепций и форм творчества. Модернистский артистизм, дионисийская экстаичность сменилась в 1960-е гг. жертвенным (кенотическим) погружением в хаос бытия и «юродством» как авторской стратегией, ощущением остановившегося времени, ресентиментным построением ценностного сознания, перформансом как способом бытования высказывания и авторского поведения. В «актуальной» поэзии 1990–2000-х гг. выразилась травматическая модель конфликта, признание вариативности развития традиции, альтернирование как принцип построения поэтического высказывания, медийная опосредованность бытования текста. Очень интересен материал 3-ей главы, связывающий структуру текста с моделированием художественной рецепции. Здесь рассматривается вопрос о пределах понятности текста в модернизме и неомодернизме, отмечается тенденция к нарастанию «импульса непонимания», когда из текста исчезают привычные компоненты, ожидаемые читателем от стихотворения, тем самым, автор побуждает читателя к пересмотру своих представлений о том, что является поэзией, втягивает читателя в текст-«ситуацию». Эксперименты с графикой и фонетикой слова (С. Сигей, Ры Никонова) прямо продолжают опыты футуристов. Но в творчестве В. Строчкова или А. Сень-Сенькова эксперименты с текстом уже подчинены выражению нового смысла, теряют формальный характер. Наиболее выразительный пример – «атомарное» построение текстов Ники Скандиаки, когда произведение складывается из многих расходящихся вариантов. При этом романтическая установка на противопоставление «поэта» «толпе» пересматривается, заменяясь на поиск *другого*, не элитарного поэта и не профанного человека толпы. Существенно также предпринятое различ-

ние акционизма и перформанса, анализ влияния медийных посредников на поэзию (видеопэзия, «звуковая поэзия»), превращающих текст в часть интермедийного проекта. Материал этой главы убедительно демонстрирует открытость современной поэзии новым формам, отказ от «готовых» принципов поэтического высказывания.

Столь фундаментальное исследование отнюдь не закрывает тему. Так, не вполне решен все-таки вопрос о постмодернизме: отказывает ли автор постмодернизму в эстетической новизне, считая его трансформацией модернистских принципов и приемов, или же только настаивает на том, что не вся современная поэзия может быть отнесена к постмодернизму («Русскую поэзию 1960–2000-х гг., развивающую модернистскую и авангардную традиции, неправомерно рассматривать в контексте постмодернизма как эстетической системы...»). Создается впечатление, что термин «постмодернизм» внушил автору идею финалистской устремленности этой системы, тогда как «неомодернизм» связывается с обновлением поэтического творчества, трансгрессией всяких пределов. А. А. Житенев согласен с тем, что «для постмодернизма мир предстает как хаос», отсюда и фрагментарность, ризоматичность текста, но вот в неомодернизме «расслоение текста» репрезентирует, как полагает автор монографии, не распад сознания, а множественность (альтернирование) непротслеживаемых связей. Однако при рассмотрении конкретных поэтических практик встречаются наблюдения, весьма похожие на постмодернистские принципы и приемы: так, например, у К. Корчагина изъятие лирического субъекта приводит к рассыпанию мира; «операциональное отношение к структуре текста», отмечаемое в «актуальной» поэзии, было свойственно и постмодернизму. «Ролевое авторство, манипулятивное отношение к тексту, размывание границ между художественным и нехудожественным» – эти признаки концептуализма не соотносятся, по мнению автора, «с поставленными неомодернизмом эстетическими задачами», однако в творчестве А. Родионова, например, все эти особенности наблюдаются, хотя он отнюдь не концептуалист. Вероятно, проблема соотношения объемов понятий «постмодернизм» и «неомодернизм» требует дальнейшей проработки. Не представляется безусловным итоговый вывод о том, что поэзия 1990–2000-х гг. «предрасположена к сглаживанию конфликта <...>, к снятию остроты противостояния с миром».

Стремление к систематике, к преодолению фрагментированного, «ризоматичного» представления о современной поэзии, к обнаружению доминирующих векторов в ее развитии – само по себе расцениваемое нами как выдающееся – приводит иногда к спрямлению реальной неоднозначности произведений того или иного автора. Например, трудно согласиться с тем, что «лирика В. Павловой примечательна своей принципиальной отдаленностью от любой метафизики», выразительностью «дословесного» опыта. Напротив, в ее лирических книгах присутствуют и метафизика жизни и смерти, и метафизика слова, не случайно так часто встречаются

библейские мотивы и признаки агиографии, а отличительная особенность В. Павловой – как раз точность, афористичность словесного оформления, игра многозначным словом, богатство строфических и рифменных приемов. Точно и выразительно характеризуется А. А. Житеневым поэтический мир в книге А. Родионова «Игрушки для окраин», но дальнейшая эволюция автора в книгах «Люди без-

надежно устаревших профессий», «Новая драматургия» уже не рассматривается.

Впрочем, дискуссионность является достоинством научного труда. Монография А.А. Житенева интересно читается, она будет полезна не только студентам и аспирантам, но и всем, любящим современную поэзию, следящим за ее непредсказуемым развитием.

Данные об авторе:

Нина Владимировна Барковская – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: n_barkovskaya@list.ru

About the author:

Nina Vladimirovna Barkovskaya is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Modern Russian Literature Department of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).